

№102 *Наследие*

20.10.13

פרשת חיי שרה

טז' חשוון תשע"ד

עלון תורני לדוברי רוסית - פרשת שבוע, הלכה, שאלות ותשובות, מוסר והשקפה

Офаким

לעילוי נשמת רשכבה'ג הגרי'ש אלישיב זיע"א

Рав Бенцион Зильбер

Недельная глава "Хаей Сара"

«И было жизни Сары сто лет, и двадцать лет, и семь лет...» (Берешит, 23:1).

Глава сообщает о смерти Сары, жены Авраама, и подробно рассказывает о приобретении Авраамом пещеры Махпела, где он хоронит жену.

Важное место в главе занимает выбор невесты для Ицхака, сына Авраама, и его женитьба.

МИЦВА И ДЕНЬГИ

Эрец-Исраэль дана нам Всевышним, говорит мишна, но наше право на три места в ней обосновано еще и земными законами. Это место, где расположена могила Сары, место для Храма и место, где похоронен Иосеф. Первое приобрел Авраам-авину, второе купил царь Давид, третье куплено нашим праотцом Яковом. Отметим интересный факт: именно на них (на Хеврон, Храмовую гору и могилу Иосефа) особо претендует сегодня арабский мир. Мишна указывает, что вся остальная территория Эрец-Исраэль евреями завоевана. А эти места куплены у законных владельцев — и наше право на них обладает особой силой.

Недельная глава подробно останавливается на покупке Авраамом для семейного кладбища пещеры Махпела, в деталях описывая отношение к сделке продавца — Эфрона и покупателя — Авраама.

В Кнаане Авраам жил среди хетийцев. После смерти Сары хетийцы предлагали Аврааму как почетному пришельцу в их стране похоронить Сару в лучшей из их гробниц. Каждый готов был отвести ей место на своем семейном участке. Несмотря на то, что по обещанию Всевышнего эта земля как часть Эрец-Исраэль в будущем должна принадлежать его потомкам, Авраам отказался и сказал, что хотел бы приобрести в собственность пещеру Махпела, расположенную в конце поля хетийца Эфрона. В конце поля — т. е. так, что ее продажа не помешала бы Эфрону пользоваться полем по-прежнему.

Эфрон проявил невиданную широту души, заявив, что готов отдать и пещеру, и поле. За щедрым жестом, однако, крылся намек: возьми пещеру — поле будет уже не то, бери и его. Подоплека ясна: за пещеру что выручишь? А вот поле — это уже серьезные деньги. Но ведь он как будто вел речь о

подарке? Да. Впрочем, Эфрон ничем не рисковал. Он знал, что при малейшем намеке Авраам ему заплатит. И Эфрон говорит: дам тебе и поле, что между нами четыреста шекелей? С одной стороны, понимай так, что Эфрон готов поступиться ради Авраама такой пустячной суммой, с другой — сумма настолько не пустячная, что на нее можно было бы купить чуть ли не восемьдесят полей (Стайплер сравнивает ее с ценой в 100 ксита — 1 шекель был равен 20 ксита, — за которую в свое время приобрел поле примерно того же размера Яков, — см. гл. «Ваишлах»). Сказано в Торе: «И услышал Авраам Эфрона» (Берешит, 24:16), точнее — «внял». Говорит Рашбам: умному достаточно намек. Авраам при всех отвесил Эфрону четыреста т. наз. больших (сегодня мы бы сказали: конвертируемых) шекелей, которые были дороже обычных. Сделка состоялась. Заметим, кстати, что имя Эфрона, которое Тора до сих пор и далее пишет с буквой «вав», при описании сделки пишется без «вав». Такой пропуск буквы в Торе обычно означает ущербность: может быть, Эфрон и стал богаче деньгами, но много потерял в духовном отношении.

Только после этого, указывает Тора, Авраам похоронил Сару.

Почему Авраам придавал такое значение именно этому месту для кладбища и почему счел необходимым предельно щедро заплатить за него?

Человек, его душа, продолжает жить и после смерти. Поэтому очень важно, где именно и рядом с кем находится его тело, с которым душа сохраняет какую-то связь. Говорит гемара: нехорошо праведнику лежать в чужой земле. Яков, как мы увидим в дальнейшем, взял клятву со своего сына Иосефа, что после кончины отца Иосеф вынесет его тело из Египта и похоронит в Эрец-Исраэль. Все мы знаем, как важно похоронить еврея именно на еврейском кладбище и как важно, чтобы праведник упокоился рядом с праведниками, а никак не с нечестивцами.

Авраам знал, что в пещере Махпела похоронены первый человек — Адам и его жена — Хава. Он знал, что это — особое место, подходящее для Сары и для праотцов. И Авраам понимал, что это ме-

сто должно быть его собственным. Даже получив согласие Эфрона, он еще не хоронит жену, а хоронит, только когда уплатил. Чтобы место не было, не дай Б-г, чужим или хотя бы сомнительным.

Почему Авраам настаивает на уплате, хотя мог бы поймать Эфрона на слове?

Во-первых, потому, что нехорошо брать у человека, который дает не от души. Да еще не просто какой-то подарок, а место для мицвы, каковой является захоронение покойника. У нас есть заповеди, которые предусматривают определенные расходы, например, покупка этрога в Суккот. Но и в других случаях хорошо, если мы платим за возможность выполнить мицву. Царь Давид знал, что ему не придется строить Храм. Но он пожелал хотя бы купить место для Храма.

Во-вторых, принять подарок значит быть обязанным дарящему. Плата деньгами — самая дешевая плата.

И, наконец, когда ты не уверен в честности того, с кем совершаешь сделку, ты можешь ожидать, что он потом захочет ее расторгнуть, объявить недействительной. Чем больше сумма, тем сделка надежнее.

Авраам был щедр, однако не был простаком и достаточно умело вел свои имущественные и финансовые дела. Но в вопросах выполнения заповеди деньги для него теряли обычную цену и имели только одно значение — возможности выполнить мицву со всей точностью и полнотой.

ГЛАВНОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ — ЕГО ДУШЕВНЫЕ КАЧЕСТВА

Основная линия главы связана с выбором невесты для Ицхака, сына Авраама и Сары. Сам Авраам, единственный в свое время человек на земле, самостоятельно пришедший к вере в единого Б-га и воспитавший много последователей, был женат на Саре, дочери его брата Арана. После смерти Сары, поняв, что пришла пора женить сына, Авраам не стал искать ему невесту в земле Кнаан, где они жили, а послал слугу Элиэзера к семье своего брата Нахора, жившей за пределами Эрец-Исраэль. Элиэзер привозит оттуда Ривку, внучку Нахора, которая становится женой Ицхака. Глава — и соответственно комментаторы — посвящают много внимания теме шидуа (сватовства).

В книге «Драшот а-Ран», анализирующей вопросы еврейского мировоззрения, среди многих других вопросов Ран (рабейну Нисим, конец 13 — начало 14 вв.) рассматривает и такой: почему Авраам не

взял для сына невесту из кнаанейцев, бок о бок с которыми жил? Зачем понадобилось прилагать столько усилий, лишая себя возможности самому увидеть девушку, зачем надо было посылать слугу с поручением настолько серьезным, что потребовалось взять с него клятву, что он будет действовать так, а не иначе? Конечно, кнаанейцы были идолопоклонниками. Но ведь и семья Нахора — тоже! Чем одни лучше других?

Есть дурные задатки, считает Ран, которые передаются от родителей к детям, а есть заблуждения, которые не наследуются. Душевные качества, такие, как доброта или жестокость, завистливость или скромность, злобность или мягкость, присущи членам одной семьи, а вот взгляд на мир, мировоззрение не обязательно переходят от родителей к детям.

О родственниках Авраама было известно, что это люди добрые и скромные. И Тора показывает нам качества Ривки в эпизоде ее встречи с Элиэзером у колодца. Ривка не только подает Элиэзеру напиток, но и предлагает напоить его верблюдов и делает это. И ведь к кому Ривка проявила такую доброту? К случайному прохожему. К тому, кто пришел и ушел. Услуга которому не прославит ее и не будет вознаграждена. Детали этого эпизода указывают не только на душевные качества Ривки, но и на домашнюю атмосферу, в которой она выросла.

Когда Элиэзер спрашивает у девочки, нельзя ли ему с караваном переночевать одну ночь в доме ее отца, Ривка уверенно отвечает: не только эту ночь, но столько времени, сколько господин пожелает. Значит, этой семье настолько присуще гостеприимство, что ребенку даже не надо спрашивать на это специального разрешения у родителей. Не каждый из нас может без спроса привести в дом гостя!

Авраам, наверно, мог бы поискать невесту для Ицхака и среди соседей, и в семьях своих учеников, хоть того же Элиэзера. Но он руководствовался мыслью, что важнее всего в человеке — глубоко укорененные хорошие душевные качества и что нет ничего важнее в матери семейства, чем доброта.

Говорят мудрецы, что хорошие моральные качества скорее приводят к верному мировоззрению.

По материалам сайта Toldot.ru

Рав Реувен Куклин

Недельная глава «Хаей Сара»

«И будет: девица, которой скажу: Наклони твой кувшин, и я напьюсь!.. а она скажет: Пей, и также верблюдов твоих напою, — ее Ты назначил Твоему рабу Ицхаку».
(Берешит, 24:14)

Настоящее милосердие: не только дать ближнему то, о чём тот просит, но и понять самому его нужду и удовлетворить её. Поэтому для Элизера было важно не только, чтобы девушка откликнулась на его просьбу, но и чтобы она также сама поняла его дополнительные нужды – напоить его верблюдов – и предложила напоить их. Однако поступки Ривки были ещё более мудрыми: она, прежде всего, предложила напоить только Элизера, и лишь после того, как он утолил жажду, предложила напоить его верблюдов. И это – из-за двух основных соображений: чтобы не сравнить его с верблюдами, а также, чтобы он мог спокойно, не торопясь утолить жажду.

Из этого мы можем выучить важное правило: милосердие не ограничивается минимально необходимыми делами, оно требует много мысли и раздумий: как сделать так, чтобы другому было приятно его получить. И так пишет Рамбам о надлежащем образе благотворительности (Законы Благотворительности 10:4): «Всякий раз, когда человек дает милостыню бедному с неприятным лицом или уткнувшись лицом в землю, он теряет свою заслугу, даже если он дал бедняку 1000 золотых монет. Вместо этого, он должен дать ему с приятным и радостным лицом, горевать вместе с ним о его бедах... утешать его и выражать ему свое сочувствие...».

Рассказывают про великого мудреца Торы рава Хаима Крайзвирта, который был также большим распределителем *цдаки*, что он всегда старался сам прийти к нуждающимся, чтобы дать им деньги. Ведь, если бы они шли к нему, подобно просящему милостыню, они бы испытывали дополнительное чувство стыда. А когда он не мог прийти к бедному человеку, он давал ему деньги на такси, говоря: «Ты делаешь со мной истинную милость, давая мне привилегию помочь тебе, поэтому твой приход должен быть за мой счёт».

"И услышал Авраам Эфрона, и отвесил Авраам Эфрону серебро, о чем тот говорил во услышание сынов Хета, четыреста шекелей серебра, (что в ходу у торговца)".
(Берешит 23:16)

Эфрон вначале предлагает Аврааму взять бесплатно землю для захоронения Сары, а, в конце концов, берёт за неё баснословную сумму денег: «четыреста шекелей серебра, (что) в ходу у торговца». Из этого поведения Эфрона учат мудрецы Талмуда (Бава Мециа 87 а), что грешники обещают много, но даже малую часть из своих обещаний не выполняют. Праведники же, утверждают наши мудрецы, наоборот: обещают мало, а делают много. И это учат мудрецы из поведения Авраама по отношению к его гостям, как повествуется в главе Ваера: вначале пообещал им Авраам ломоть хлеба (Берешит 18:5), а потом сказано, что Авраам взял для них «теляца, нежного и хорошего» (Берешит 18:7).

Праведники неразрывно связаны с истиной во всех своих словах и поступках, поэтому они не разбрасываются обещаниями, опасаясь, что не смогут их выполнить. Грешники же пренебрегают истиной, поэтому они не боятся разбрасывать обещания направо и налево – в их глазах не случится ничего страшного, если они не смогут их выполнить. Более того, уже в то время, когда они дают обещания, они вовсе не намереваются их выполнить. Природа грешника – говорить одно, а думать другое. Мудрецы в трактате Бава Мециа (49 а) учат из слов Торы, что необходимо, чтобы во время торговли человек не кривил душой, а, говоря «да», подразумевал «да», и, говоря нет, подразумевал «нет». И так описывает Рамбам образ переговоров, которые ведёт мудрец Торы (Законы Нравов, 2:16): «Переговоры мудреца Торы (наполнены) истины и веры; он говорит на "да" - "да", а на "нет" - "нет"».

И ещё пишет Рамбам (Законы Нравов 5:13): «Запрещено человеку вести льстивые речи и обольщающие разговоры, и не должно быть на словах одно, а на уме другое. Но должен быть человек снаружи таким же, как и внутри, то есть, что на уме – то и на словах».

По материалам рассылки Беерот Ицхак daily

Рав Ицхак Зильбер

Вечность Торы

Продолжение.
Начало в номере 101

Отрывок из книги «Пламя не спалит тебя»

А в каких условиях учили Тору мой отец и я сам? До работы и после нее мы занимались в комнате, арендованной у одного русского для молитв, часто засиживались там до одиннадцати часов вечера. Жили мы — отец, мать и я — в одной двенадцатиметровой комнате без отопления и без кухни. А в годы войны бывали сильные морозы, вода и картошка замерзали. Сидели мы с отцом, с головой укутавшись в пальто, и учили. Сюда же приходили люди спросить что-то у отца (он тайно исполнял обязанности раввина), соседки забегали к маме излить душу, найти утешение. Через стенку жили пьяницы, мешали нам своими драками и скандалами.

Сидя в лагере в пятьдесят первом — пятьдесят третьем годах, я постоянно искал возможность уединиться, чтобы учить Тору и молиться. За то, что староста барака пускал меня иногда в отгороженное помещение за занавеской, я вместо него приносил ежедневно шесть ведер кипятка утром и вечером и помогал ему мыть полы. Чудом удалось мне пронести в лагерь Танах и Мишну маленького формата. Свою работу я выполнял как можно быстрее, чтобы выкроить время для учебы. По лагерю я передвигался бегом, так что успевал за сорок пять минут сделать то, на что требовался час, а затем пятнадцать минут занимался. И так каждый час. Там, в лагере, я разобрал трактат «Киним», труднейший в Мишне.

Учителяствуя в селе Столбищи, в двадцати пяти километрах от Казани, я не мог нигде уединиться для молитвы, так как жил в одной избе с тремя своими учениками. Тогда я нашел местечко за большой школьной дверью — когда ее полностью открывали, там образовывался темный уголок. За дверью я быстро молился в перемену между уроками.

Однажды, не закончив еще утреннюю молитву, я услышал, что меня ищут. Пришлось пойти на урок. (А пока определенная часть молитвы не завершена, нельзя разговаривать.) В классе я взял задачник и молча указал одному ученику на номер задачи. Тот пошел к доске, но запутался. Я ткнул пальцем в другого и показал жестом: помоги, мол. Ученики стали спрашивать, почему я не хочу говорить с ними, на что обиделся и т.п. Я молчал. Когда окончился урок, я снова зашел за дверь и закончил мо-

литву.

На следующем уроке я сказал ребятам, что решил таким образом наказать их за то, что весь класс однажды сбежал с урока математики в кино.

«Б-г знает, что праведников мало, и поэтому Он распределил их по поколениям». Во все времена и во всех странах люди учили Тору. Не было ни одного ребенка, не знавшего Пятикнижия и не умевшего молиться. И это в ту эпоху, когда многие министры и цари не умели читать и писать! Всегда существовали ешивы, где молодые люди отдавали несколько лет жизни изучению Торы и Талмуда.

Во всех поколениях жили гении Торы. Достаточно назвать рава Саадью Гаона, Раши, рабейну Тама, раби Йехуду ха-Леви, Рамбама, Рамбана, Абраванеля, Махарала из Праги, раби Йосефа Каро, Аризалья.

В последние два столетия, когда мир захлестнула волна скептицизма и агностицизма, бастионы иудаизма защищали (иногда с риском для жизни) такие великие ученые и праведники, как Виленский Гаон, Бааль Шем Тов, Алтер Ребе — основатель Хабада, раби Акива Эйгер, раби Йехезкель Ландо, раби Нахман из Брацлава, раби Моше Софер, Коцкер Ребе, а в наше время — Хафец Хаим, Хазон Иш и еще многие и многие.

Чудом спаслись из рук гитлеровцев великие знатоки Торы, такие, как раби Велвеле из Бриска, рав Каханман, впоследствии основавший в Бней-Браке ешиву «Поневеж», раби Элизер Шах, раби Элизер-Юдл Финкель — глава ешивы «Мир» в Иерусалиме, раби Ахарон Котляр, основавший ешиву в Лейквуде (США), раби Йосеф-Ицхак Шнеерсон, открывший любавичские ешивы по всему миру, раби из Гура, раби из Белз, Сатмарский раби, Клаузенбергер раби, раби Моше Файнштейн, бежавший из СССР в США.

Продолжение в следующем номере

По материалам сайта Toldot.ru